

*ЗАДОРЖНЫЙ Г. В., доктор экономических наук, профессор,
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
Украина, г. Харьков*

ДУХОВНО-НООСФЕРНО-УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК ФОРМАТ ВОЗРОЖДЕНЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Путь к спасению лишь в
пересмотре господствующих идей.

С. Франк

О кризисности теории устойчиво-ноосферного развития

Длящийся мировой противочеловечный кризис и бесперспективный поиск путей его преодоления требует кардинального обновления мировоззрения, на что уже неоднократно указывалось учеными разных стран. Весьма примечательно, что обоснование этой необходимости делается учеными-естественниками, которые все больше и больше фокусируют свое внимание на проблемах изучения человека. Это вовсе не объясняется тем, что все познано и открыто в области естествознания, а прежде всего тем, что идеал целостности, о котором говорят ученые с самого момента возникновения естествознания, не стал объектом действительного анализа и приближение к нему почти не происходит. Но с другой стороны, положительным стало осознание того, что постигать целостность только в рамках механико-материалистической парадигмы мировидения, практически невозможно. Сегодня в среде ученых пришло понимание, что искусственное разграничение материального и духовного мира, разрыв целостности миропостижения лишь способствует нарастанию новых рисков, опасностей и катастроф как в обществе, так и в Природе.

Поэтому вовсе не случайно в начале нового столетия и тысячелетия ученые-естествоиспытатели заявили о том, что, если объектом исследований науки XX в. был окружающий человека мир, то главной задачей науки XXI в. становится анализ внутреннего духовного мира человека. Последние четверть столетия, которое по большому счету связывалось с *концепцией устойчивого развития*, практически показало, что эта концепция стала своеобразной

очередной утопией, о которой много разговоров и публикаций, но существенных шагов для ее глобальной реализации не предпринимается. Это происходит прежде всего потому, что данная концепция обращает внимание лишь на некоторые, хотя и очень важные для человечества проблемы. Но в ней изначально *не* заложен *целостный* подход к пониманию жизнедеятельности человечества как особого живого сообщества, отличного от других живых «сообществ».

Другая столь широко обсуждаемая в последние десятилетия *концепция ноосферы* также *не* имеет *целостности* постижения жизнедеятельности человека и общества потому, что главный упор в ней делается на проблеме науки-знаний и ее технократической реализации для обеспечения комфортного существования постчеловека. Сфера разума по существу здесь сводится к одностороннему развитию *рационального интеллекта* для сотворения искусственного технического мира, который в пределе *вытеснит* за свои границы самого *человека*. И это вытеснение уже происходит, ибо наукой разработанные технологии манипуляции сознанием человека в нарастающей степени направлены на расчеловечивание, на способствование устранению из рыночно-купле-продажной действительности духовно-нравственных, человеческих ценностей, на вменение таких образцов поведения и действий, которые бы превращали человека в некое программируемое природное существо, называемое киборгом. Если без всяких оговорок определять конечную цель развития ноосферы, то именно киборг должен стать ее главным продуктом.

Хотя ради справедливости следует сказать о том, что техника (В. А. Кутырёв) способствует улучшению качества жизни человека, связанного прежде всего с изобретением и внедрением в быт различного рода «помогающей» техники. Но в то же время существует острая проблема технизации быта, не говоря о военной технике, когда результаты непосредственно «работают» против человека. Как в этом плане не вспомнить предупреждение В. И. Вернадского о том, что развитие ноосферы может обернуться против самого человека, служить его уничтожению.

Поэтому лишь эти выделенные негативные аспекты концепций устойчивого развития и ноосферы говорят о том, что что-то в них не «срабатывает», если процесс расчеловечивания в действительности лишь нарастает. В этой связи должно произойти массовое осознание, что человек имеет единую триипостасевую – *духовно-био-социальную* природу, в которой именно духовная ипостась задает

коды и матрицу человечности жизнедеятельности. Такое сущностное жизнеспасительное понимание внутренней природы человека требует *кардинального обновления методологии* экономических и обществоведческих исследований.

От методологии индивидуализма к личностной методологии

Хозяйственные трансформации, их направленность и благонесущие для человека результаты должны исходно задаваться человекомерным миропониманием, которое затем превращается в методологические основания разработки стратегии и тактики духовно-социально-экономических преобразований общества. Если методологические координаты задают искажающую картину истинной реальности, то они неизбежно порождают *кризисность* самой действительности, изменения которой следуют за рекомендациями экономической науки, а она сама исходит из упрощенного схематично-схоластического, поверхностно-примитивного миропонимания. Сущностный анализ почти столетнего общественного развития показывает, что современная социальная, обществоведческая и экономическая наука разрабатывала свои теоретические основания крайне односторонне, одномерно, что проявилось во вменении *изначально искаженной методологии индивидуализма*. Свой системообразующий постулат она свела к пониманию *индивидуума* как традиционно поверхностно понимаемому отдельному *социальному атому*, как своей основной догме, в которой практически отсутствует понятие *личности как целостного* творческо-ответственного человеческого существа – базисного субъекта *целостного хозяйственного* развития. Именно индивидуум в этой методологии положен в качестве исходного постулата всех «научных» экономических построений. Главная подоплека этой методологии состоит в том, что именно *свобода* в ее неолиберальном беспределе *никак не соотносится с ответственностью* за эту свободу. Неолиберальная свобода в глобальной кризисной действительности обернулась вседозволенностью, беспределом, принципом «что хочу, то и ворочу» под маской «свободного выбора», после которого «хоть потоп». Индивидуализм «ведет к утеснению и разложению личности» [1, с. 214].

В экономической теории неолиберальная свобода стала фасадной витриной, где «нарисованные» *правоведением* причудливые завитушки «пучка прав собственности» и мрачный

поверхностно-мертвящий пейзаж каркасов неолиберальных «институтов» скрывают-заслоняют-игнорируют то сущностно-жизненное, которое глубинно-необходимо – *истинно мотивирует личность* к иначе возможной *качественно обновляемой целостной хозяйственной деятельности* ради личностного – человеческого счастья. При этом сейчас весьма широко распространилось расплывчатое понятие «экономическая теория», которое растеклось как рыхлый кисель, поглотивший само наименование «политическая экономия». Так называемая экономическая теория уже не просто не вспоминает о своем зародыше-коде – фундаментально-методологической науке – политической экономии, название которой произошло от греческих слов *politikos* – государственный, общественный и *oikonomia* – управление домашним хозяйством (от *oikos* – дом, домашнее хозяйство и *nomos* – закон), но и весьма упорно старается сознательно-вызывающе не замечать политической экономии. Даже в том случае, когда еще редко пытаются говорить о политической экономии, неизменно забывают (а часто-густо и совсем *не ведают*), что *главная смысловая сакральная нагрузка* в этом *поименовании* все таки скрывается в слове «хозяйство». Именно Хозяйство в сакральном понимании соотносится с понятием *Дома*, которое распространяется от конкретного места проживания Чело-Века (микрокосма, «стянутой вселенной» – Шеллинг) до среды его жизнедеятельности – Универсума (макрокосма).

И самое удивительное, чем ознаменовалось 400-летие политической экономии как отдельной системопорождающей науки о хозяйстве, это то, что уже в который раз находит подтверждение положение о том, что «самоуспокоенность официального мира нельзя считать лишь очередным из многочисленных пороков той эпохи – то была бы *полномасштабная трагедия*. Ведь если бы *академики* прислушались к *обитателям подполья*, если бы Альфред Маршалл глядел на окружающий мир с той же тревогой, что и Гобсон, а Эджурт чувствовал несправедливость общества так же остро, как Генри Джордж, – в этом случае *великие потрясения XX века могли бы миновать мир*, совершенно не подготовленный к социальным переменам подобного масштаба. А для нас это лишь очередное напоминание о том, что *никакая идея*, насколько бы безумной она ни казалась, *не заслуживает пренебрежения*, и тем более со стороны тех, чьи интересы, в лучшем смысле этого избитого слова, консервативны» [2, с. 268] (выделено мной – Г. З.). Опять на современном витке кризисной истории теперь уже глобального сообщества повторилась ситуация, когда «все попытки *достучаться*

до элиты викторианских академических кругов, предпринятые этим сборищем еретиков и любителей, обернулись провалом: критические замечания наталкивались на возмущенные отповеди, предупреждения пропускались мимо ушей, а на их советы никто не реагировал» [2, с. 268]. И получается не просто «маемо те, шо маемо», а происходит неизбежное ухудшение, кризисно длящееся экономическо-суживающееся функционирование общества.

С большой долей условности можно говорить, что «на первые роли в экономической науке вышли ученые. Их вклад в ее развитие очень важен, но язык не поворачивается назвать его жизненно важным», ибо «волки в экономическом мире уже перевелись, а значит отпала необходимость обсуждать вопросы жизни и смерти. Отныне мир населяли очень приятные, пусть и воображаемые овцы» [2, с. 217] (выделено мной – Г.З.). И современный научный экономический мир предстал миром профессиональной человекомерной некомпетентности, где начали сплошь и рядом господствовать экономические агенты и делки, у которых душа подменена мантрами свободы, выбора и успеха, т. е. наживы. На целостную хозяйственную жизнедеятельность почти нет и намека.

В такой научной, прежде всего экономической среде, которая была сформирована традиционной механико-материалистической (ньютоно-картезианской) наукой не могут быть найдены и обоснованы пути преодоления современного глобального (апокалиптического – Ю. М. Осипов) кризиса, ибо, как показали нобелевский лауреат по экономике Морис Алле и другие выдающиеся современные мыслители, он имеет духовную природу. Надежда на преодоление этого кризиса рушится с каждым днем, ибо пока в ходу находится традиционно воспринимаемая наукой биосоциальная природа человека, никакие проекты выживания человечества не несут в себе качественно иначе возможной жизнедеятельности человека. Под нависшем в воздухе ощущением постоянного прогрессистского улучшения, когда риски и опасности в лучшем случае провозглашались, но в практическом плане не предотвращались, искать и понимать коренные причины нынешнего глобального кризиса человеческого сообщества как-то стало не принято в науке.

Непонимательное скольжение по поверхности ситуационных явлений и действий стало характерной чертой экономиксической науки, которая даже проблемы социальности стала все шире и шире игнорировать. А поскольку био-составляющая природа человека задала ориентировку на отдельность каждой особи человеческого

вида как *индивидуума*, то и поверхностно воспринимаемая *индивидуальная свобода* была превращена во всеобщий провозгласительный *манипулятивный инструмент* роста и развития, а на деле – в средство *обесчеловечивания* как самого человека, так и его жизненной среды. В этом плане современные говорения-заверения о *ренессансе методологии индивидуализма* представляются очередными поверхностными заклинаниями о прогрессивности экономической науки, за которыми, по сути, скрывается *главный метод расчеловечивания*. Когда без желания понимания истинной сущности Чело-Века и без четкой научной определенности множества терминов: человек, индивидуум, рабочая сила, человеческий фактор, личность, экономический агент, актер, делец и пр. всё валится в одну «кучу», то такая «научная методология» задает лишь *разрушительную* функцию и «работает» не во благо, а во зло Чело-Веку.

Конечно, можно использовать все эти понятия, но научное исследование требует *методологической культуры*, согласно требованиям которой категории должны быть четко определены в смысловом значении. Их сплошная подмена друг другом не только не проясняет картину реальности, но схоластически запутывает видение действительности. В методологическом плане совершенно прав Н.А. Бердяев, когда уточнял онтологическое различие между категориями «человек» и «личность». «Человек, которого только и знает биология и социология, человек как существо природное и социальное, есть порождение мира и происходящих в мире процессов. Но личность, **человек, как личность, не есть дитя мира**, он иного происхождения. И это делает человека загадкой. **Личность есть прорыв, разрыв в этом мире, внесение новизны**. Личность не есть природа, она **не принадлежит к объективной, природной иерархии**, как соподчиненная ее часть. И потому... ложен персонализм иерархический. **Человек есть личность** не по природе, а **по духу**. По природе он лишь индивидуум. Личность не есть монада, входящая в иерархию монад и ей соподчиненная. Личность есть **микрокосм**, целый универсум. Только личность и может **вмещать универсальное содержание, быть потенциальной вселенной в индивидуальной форме**... *Личность не есть часть, и не может быть частью в отношении к какому-либо целому, хотя бы к огромному целому, всему миру*. Это есть существенный принцип личности, ее тайна» [1, с. 178] (выделено жирным мной – Г. З.). Само понятие личности фиксирует именно то специфическое, которое не отражает ни понятие индивидуум, ни понятие человек.

В личности главное – ее надмирская, *духовная природа*, являющаяся разрывом в этом мире, а поэтому наделенная способностью вносить новизну в него, обусловленную своей универсальностью, тем, что представляет потенциальную вселенную. И это фундаментальное многозначное свойство личности позволяет связывать ее природу с *особым духовно-идеальным миром*, который существует вне зависимости от природы и происходящих процессов в этом мире. Если эта зависимость выносится на первый план, то речь идет лишь о человеке как биосоциальном существе, которое *не представлено в своей глубинной сущностной ипостаси*, ибо «личность не вмещается в непрерывный, сплошной процесс мировой жизни, она не может быть моментом или элементом эволюции мира» [1, с. 178]. Понятие личности предназначено для того, чтобы зафиксировать *онтологические основания* человеческой жизнедеятельности, определенным образом «проявить» ноуменальный мир в человеке, который «задан» и существует *изначально*, еще *до* того, что он функционирует в феноменальном мире, в мире пространственно-объектном.

И именно с этим ноуменальным миром связано *творчество* личности, которое изначально реализуется в ее саморазвитии. «Личность не есть застывшее состояние, она разворачивается, развивается, обогащается, но она есть развитие одного и того же пребывающего субъекта, вот этот имя-рек. Само изменение происходит для сохранения этого неизменного, пребывающего... Личность ни в коем случае *не есть готовая данность*, она есть задание, идеал человека. Личность *самосозидается*» [1, с. 179] (выделено мной – Г. З.). И это самосозидание, саморазвитие есть *процессирующая внутренняя* деятельность личности. Причем эта самодетельность имеет изначально ценностно-оценочную направленность, обусловленную универсальным содержанием личности как микрокосма. «Личность есть категория *аксиологическая*, оценочная... Личность должна себя созидать, обогащать, наполнять *универсальным* содержанием, достигать *единства в цельности* на протяжении всей своей жизни. Но для этого она должна *уже быть*. Должен изначально быть тот субъект, который призван *себя созидать*. Личность в начале пути, и она лишь в конце пути. Личность не составляется из частей, не есть агрегат, не есть слагаемое, она есть *первичная целость*. Возрастание личности, реализация личности совсем не означает образования целого из частей, но означает *творческие акты личности, как целого*, ни из чего не выводимого и ни из чего не слагаемого. Образ личности

целостный, он *целостно* присутствует во всех актах личности» [1, с. 179–180] (выделено мной – Г. З.).

Методология индивидуализма – сознательно созданный механизм, призванный схоластически воспроизводить не сущностное, а поверхностно-схематичное примитивное описание той кажимости, которая в теоретическом плане выдается в качестве глубинного постижения. Но эта кажимость отнюдь еще не является тем сущностным уровнем, на котором разворачивается постижение истинной реальности *человекомерной наукой*.

Социальность как нейтральность взаимодействий

Наиболее тревожное выражение современного кризиса жизнедеятельности человека в наиболее представимом виде мыслится, прежде всего, в *хромоте* на обе ноги того, что традиционно называется *социальностью* или проще – социальной защищенностью человека в жестко насаждаемом *социал-дарвинистском* глобализирующемся мире. Жизнь в искусственно созданной и углубляющейся *небезопасности* при постоянном усиливающемся внутреннем чувстве нарастающей *тревоги* становится *повседневностью*. «Самое поразительное, что *созданный человеком мир... отрицает уже* не только природу и Бога, с которыми у него борьба, а и... *самого человека*, который ему попросту уже *не нужен* – ни по сути своей, ни в массе своей. Искусственный мир требует и какого-то *искусственного человекоподобного создания*, того же гуманоида – то ли просто постчеловека, то ли даже сверхчеловека, ну и надо полагать, уже и не в тех количествах и пропорциях, чем сегодня, а потому всем не приспособившимся и *правильно не смутировавшим* землянам придется, видно, этот счастливый, но имманентно уже болезнетворный, *мир покинуть*» [3, с. 511] (выделено мной – Г. З.). Традиционная – *механико-материалистическая наука, исключившая* из предмета своих исследований *духовный мир человека*, его *сознание* не может ни более-менее полно описать современную *целостную реальность*, ни найти *жизнеспасительные* пути выхода из *длящегося* поликризисного состояния человечества, для которого нарастание рисков, опасностей и катастрофичности становится почти привычной повседневностью.

Главная причина кризисного состояния самой *науки*, транслирующей это состояние в практическую обыденность, состоит в том, что «наука, в дни ее всемогущества, начинает выступать скорее всего как средство овладения миром, а не как средство

раскрытия фундаментального. Самый большой упрек нашей культуре заключается в том, что ее *наука* оказалась *не в состоянии впитать в себя то запредельное, с которым соприкоснулась*» [4, с. 277]. С одной стороны, углубляющаяся *узкая научная специализация* создает непреодолимые межпредметные, а зачастую уже и внутриспредметные барьеры и не допускает широких мировоззренческих обобщений¹, чем своеобразно перекрывает «кислород *человечности*» носителями передового *техночного* знания, не говоря уже об остальной массе «ненаучных» людей, которым достаются лишь *популяризаторские отходы* от науки.

С другой стороны, агрессивно насаждаемая идеология оголтелого *потребля(ь)ства* и достижения *сиюминутного успеха*, как *якобы* самостоятельного, каждым человеком производимого, рационального *выбора*, *деформирует* многогранную *личность* в *одномерного* индивида, изначально *лишенного ценностной* системы внутренних мотиваций. В результате разворачивающийся мир *техники* как процесса де(э)волюции человека (В. А. Кутырёв) исповедует безудержную новационность как ускоряющееся движение по пути *о-бес-смысл-ивания* жизни. «Инновационизм – мировоззрение, при котором тела и вещи существуют только для того, чтобы поскорее исчезнуть. И замениться чем-то новым, более совершенным. Потом опять новым, еще более совершенным. И еще раз новым, неизвестно для чего/кого и куда «совершенным». Совершенствование без образца и конца, без «акме» – абсурд *perpetum mobile*» [5, с. 9]. В результате существенно сокращается пространственно-временной континуум, в котором для выживания от человека требуются *целостные* осмысленно-ответственные действия, выражающие его *целостную триипостасную – духовно-био-социальную природу*. Но *игнорирование* именно *духовно-нравственной* составляющей-основания означает, по сути, нарастание современного процесса *повсеместного расчеловечивания*.

Вся западная, в том числе и марксистская, философия преимущественно исходит из того, что *социум, социальное* как бы *изначально задает систему* координат осмысления действительности. И в этом заложена главная причина непонимания кризисности современного общества, которую связывают с социальным устройением, исходящим из био-социальной природы

¹ «Современная теоретическая мысль – безобразна. Она абстрактна и математична, более того, стала оппозицией всему образному и предметному, носителем и выражением их отрицания» [5, с. 7].

человека. Все наши беды и катастрофичность современности проистекают из недомыслимости и не понимания, что «проблема человека, т. е. проблема личности, первичнее проблемы общества. Ошибочны все социологические учения о человеке, они знают лишь поверхностный объективированный слой в человеке. Лишь извне с социологической точки зрения личность представляется подчиненной частью общества и при том очень малой частью по сравнению с массивностью общества. Но подлинное учение о человеке-личности может построить лишь экзистенциальная философия, а не философия социологическая, как и не философия биологическая. Личность есть субъект, а не объект среди объектов, и она вкоренена во внутреннем плане существования, т. е. в мире духовном, в мире свободы. Общество же есть объект. С экзистенциальной точки зрения общество есть часть личности, ее социальная сторона, как и космос есть часть личности, ее космическая сторона. Личность не объект среди объектов и нет вещь среди вещей. Она субъект среди субъектов и превращение ее в объект и вещь означает смерть» [1, с. 182]. Специфика личности состоит в том, что она независима от природы, от общества, от государства и противится всякой внешней детерминации, ибо она есть детерминация изнутри. Личность определяет себя изнутри, вне всякой объективности, а определение из свободы и есть личность. «Существование личности предполагает свободу. Тайна свободы есть тайна личности. И свобода эта не есть свобода воли в школьном смысле, свобода выбора, которая предполагает рационализацию. Достоинство есть личность в нем. Только личность имеет человеческое достоинство» [1, с. 183].

Социальность традиционно понимается прежде всего как *взаимодействие* особей, индивидуумов. В таком понимании сама социальность предстает как нечто *нейтральное*, ибо в ней самой еще *нет качественной определенности* этого взаимодействия. «Социальная обыденность давит на совесть и искажает ее, но *никогда не порождает ее и не определяет*. Глубина совести заложена в духовной действительности, а *не в социальной действительности*, и потому только возможна оценка социальной действительности и суд над ней. И потому достижение духовной свободы *от власти социальной обыденности* есть всегда стоящая *перед личностью нравственная задача*» [1, с. 205] (выделено мной – Г. З.). Поэтому мир социальной обыденности (взаимодействий индивидуумов) должен *оплодотворяться совестью* во благо человека, что возможно только в случае, когда во взаимодействие

вступают личности. В этом плане обыденная социальность уже предстает *общностью, единением духовным*, а не просто социальным взаимодействием. «Подлинная общность – преодоление разрыва и раздвоения между двумя планами – духовным и социальным, в ней духовность делается социальной и социальность делается духовной. А это значит, что в общности преодолевается одиночество не через подчинение личности обществу, как части целому, а через победу духовного мира над миром природно-социальным, т. е. через достижение духовной социальности, которая излучается личностью, а не подавляет личность» [1, с. 206].

Отсюда следует, что социальность обыденная фиксирует лишь поверхностное видение взаимодействий людей, которые сами по себе еще не позволяют видеть то, ради чего – блага или зла – происходит взаимодействие. Но углубление постижения социальности выводит сознание на *новый уровень миропонимания*, где уже как бы вступает в свои права *духовность*, которая *ценностно оплодотворяет социальность*, делает ее духовной, но субъектом этого оплодотворения является целостная личность.

Исходя из такого понимания личности и ее роли в мире, главная характеристика современности как техноса, как это ни странно, лежит вовсе не в создании постоянно и настырно обновляющейся *техники* как материально выраженного основания *искусственного мира*, а в том, что происходит *ускоренная деформация целей и ценностей человеческой деятельности*, и прежде всего *утрата* ею *этического измерения* своих мотивов и результатов. Личность как глубинная «характеристика» человека *задвигается* на ничего не значащий задний план действительности, что автоматически задает *непонимание реальности* (XX век – век непонимания – М. К. Мамардашвили). Это же оборачивается расширяющейся *подменой* «нормативного знания, открывающего системные связи в природе и ограничивающего технологический произвол, знанием сугубо *инструментальным*, целиком и полностью полагающимся на открытие *новых технологий*» [6, с. 402] (выделено мной – Г. З.). Человек и общество утрачивают смысл ***Великого духовного проекта***, без которого практически невозможно *ценностное* целеполагание развития как внутреннего настроя и желания обеспечивать *достойную, счастливую жизнь* всего населения планеты Земля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды / Н. А. Бердяев. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. – 312 с.
2. Хайлбронер Роберт Л. Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи / Роберт Л. Хайлбронер. – М.: КоЛибри, 2008. – 432 с.
3. Михайлов Ю. Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза / Ю. Михайлов. – М.: ТЕИС, 2010. – 592 с.
4. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В. В. Налимов; 3-е изд. – М.: Академический проект; Парадигма, 2011. – 399 с.
5. Кутырёв В. А. Бытие или ничто / В. А. Кутырёв. – СПб.: Алетейя, 2010. – 496 с.
6. Толстых В. Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект / В. Толстых // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – М.: Альпина Паблишер, 2003. – С. 249–444.